

Новая Польша 6/2003

0: УЗНИК ИСТОРИИ

Могло бы показаться, что пропаганда времен ПНР успешно отобьет у поляков всякий интерес к поэзии Владислава Броневского. Ни одно торжественное заседание не обходилось без его стихов, школьники учили их наизусть. Однако стихи устояли, выдержали и это испытание. Главным оказалось то, что эти стихи — запись подлинных чувств, что автор был попросту выдающимся поэтом. Даже тогда, когда подчинялся пропагандистским штампам, как, например, в «Слове о Сталине». Несколько лет назад, благодаря огромной филологической работе, проделанной Феликсой Лиходзеевской, вышло четырехтомное «Полное собрание стихотворений» Броневского. Его стихи выходят также отдельными изданиями, кружат в Интернете, а полонисты занимаются их исследованием.

Разумеется, автор «Баллады о Театральной площади» еще до 1989 г. воспринимался разнопланово: как «последний романтик», как чистый лирик, как отважный участник истории. В самиздате кружили его неподцензурные тексты, особенно знаменитые стихи, написанные в советских тюрьмах. Ходили рассказы о его скандальных выступлениях на различных официальных приемах, когда ему удавалось высказать, что он думает о власти. Одной из тем, которая постоянно возвращалась в таких «эксцессах», были советские застенки.

В начале сентября 1939 г. Броневский добрался на велосипеде из Варшавы до Тарнополя, чтобы вступить в армию. Взяли его в армию в Збараже лишь 12 сентября, и он не успел принять участие в боях. После вторжения Красной армии в Польшу поэт выехал во Львов. Сотрудничавшие с новой властью писатели, как и сама эта власть, весьма на него рассчитывали. Между тем Броневский, как вспоминает Александр Ват, «ходил по Львову, кипя и стиснув зубы, и везде, где мог, декламировал свои стихи». А они были не такими, на которые рассчитывали редакторы-политруки, поэтому их и не печатали. Автор же не соглашался ни на какие изменения.

В январе 1940 г. Броневский был арестован органами НКВД. Кроме него, в тюрьме тогда же оказались другие литераторы и художники. Так во второй раз за свою жизнь попал он за решетку, хотя прежняя отсидка в польской тюрьме в 1931 г. (за участие в редактировании коммунистического «Месенчника литератцкого») не шла ни в какое сравнение с тем, что его теперь ожидало.

Кулисы львовского ареста до сих пор неясны. Значительную часть вины приписывают сценографу Владиславу Дашевскому, который «сдал» своих коллег энкаведешникам. Однако не он, а известный график Францишек Парецкий дал самые тяжкие показания на поэта:

“После прихода во Львов Красной армии в октябре 1939 года БРОНЕВСКИЙ написал стих под названием «Польский жовнер» («Польский солдат»), в котором он выразил грусть и печаль по поводу того, что не стало Польши как самостоятельного государства, нет уже солдат с орлами, что польские солдаты сидят и плачут, глядя на других, чужих солдат. Стих БРОНЕВСКОГО «Польский жовнер» насыщен польским национал-патриотизмом и является логическим продолжением его социал-патриотического стиха «Багнет на бронь!» [«Штык наизготовку!»]. Свой стих «Польский жовнер» БРОНЕВСКИЙ прочитал в кругу польских писателей, где и я присутствовал. Об этом стихе БРОНЕВСКОГО знают моя жена, Ванда ВАСИЛЕВСКАЯ, Галина ГУРСКАЯ. По слухам мне известно, что стих БРОНЕВСКОГО «Польский жовнер» передавался по радио из Франции, г.Тулуза”.

Подстрочник для НКВД

Во время следствия другое инкриминировавшееся ему стихотворение — «Сын покоренной нации» — было переведено Броневским на русский язык. Рукопись этого подстрочника находится в деле:

Подстрочный [перевод нап]равленного мною стихотворения «Syn podbitego narodu»...

Сын покоренной нации, сын независимой песни,

О чем и как должен я петь, когда дом мой — развалины и пожарище?

Как танк, перевалился сентябрь земле родной через грудь,

А моя ладонь безоружная и безоружная родная земля.

Я на эту землю вернусь, я хочу ее спасти,

Оттуда гореть миру пожаром сердца и песни.

Я хочу, чтобы из развалин Варшавы рос желобетоном социализм,

Я хочу, чтобы гейнал Марияцкий шумел красным знаменем.

Гордая и прекрасная Варшава, слава твоим развалинам!

Я хочу подсчитать и расцеловать твои мученические кирпичи.

Дай руку мне, Беларусь, дай руку мне Украина,

Вы мне дадите в путь ваш независимый серп и молот.

Зарево свободы народов, мощь в стиснутом кулаке!

Пройдут недалекие дни, и будет в мире равенство...

Я пишу ладонью безоружной, грозной, хотя она не мститя.

Сын покоренной нации, сын независимой песни.

...[м]ая 1940 г. В. Бронеvский

«Не знаю, не помню, не скажу»

Как в львовской Замарстыновской тюрьме, так и позже в Бутырьках Бронеvский не был сломлен. Александр Ват описывает, как они оба оказались в карцере за попытку перестукивания через стену с помощью тюремной азбуки:

«Он не хотел со мной разговаривать, сообщил мне через стенку, что полон презрения ко мне за то, что я признался. Владек был неслыxанно храбрый, очень сильный, прямо орленок. Я ходил интеллигентским шагом, бегал по кругу в этой камере. А он — тут я ему завидовал — вышагивал по-солдатски, отбивал такт и пел все легионерские песни. Все время пел, пять суток пел».

Следователям Бронеvский охотно рассказывал о своем участии в легионах Пилсудского, о войне 1920 года. Однако они не могли вытянуть из него показания на других. С этим столкнулся еще следователь Шевченко во Львове. Вот протокол, в котором я подчеркнул отрицательные ответы Бронеvского.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Гор. Львов, 1940 г., февраля, 12 дня. я, ст. следователь следчасти УНКВД по Львовской области сержант Госбезопасности Шевченко, сего числа допросил обвиняемого Бронеvского Владислава Антоновича, начало допроса 11 часов 50 минут.

ВОПРОС: Расскажите подробно о своей службе в бывшей польской армии.

ОТВЕТ: В 1915 году, в апреле месяце я добровольно пошел служить в польские легионы, которые создавались Пилсудским при всесторонней помощи Австрии. Польские легионы это была своего рода школа, которая должна была подготовить кадры для будущей польской армии, одновременно оказывала помощь Австрии в войне с Царской Россией. Когда я приехал в Ново-Радомск я поступил в унтер-офицерскую школу польских легионов и в июле 1915 года я, вместе с 4 пехотным полком, пошел на фронт в направлении на восток, где оставался до осени 1916 года. В декабре 1916 года я, вместе со своими польскими легионами возвратился в так называемое Королевство польское сначала в г.Зегже и затем в г.Ломжа. В июле 1917 года я вместе с русскими подданными, которые отказались присягать на верность Германии, был направлен в Щеперно, где был в военно-пленном лагере 5 месяцев. В 1918 году, с начала года я учился дома, в гор. Варшава, готовился к получению аттестата зрелости а в октябре месяце поступил на учение в Варшавский Университет. С 11 ноября 1918 года я снова добровольно пошел служить в польскую армию, был назначен подпоручиком и командиром роты ударного

полубатальйона, находившегося во Владимире Волынке, участвовал в боях против петлюровцев до апреля месяца 1919 года. Затем полубатальйон, в котором я служил был слит — соединен с 1 пехотным полком польской армии и отправлен на фронт в город Вильно для борьбы с Советской армией, которая находилась в городе Вильно. Город Вильно был взят польскими войсками а Советские войска отступили на восток.

Лично я участвовал во всех боях, которые вел 1 пехотный полк с Советскими войсками и частично с литовскими войсками, а именно: участвовал в начале 1920 г. в наступлении на Двинск, весной 1920 года в наступлении на Киев и летом 1920 года против Красной армии, шедшей к Варшаве. Дивизия, в которой я служил зашла в тыл Красной армии и с Люблина повела наступление на Белосток и дальше на восток в направлении г.Стовбцы. В окрестностях г.Стовбцы, Молодечно я оставался до начала 1921 г. Затем полк, в котором я служил капитаном, был переведен в окрестности г.Вильно. Осенью 1921 года я демобилизовался с польской армии по собственному желанию и поступил учиться в Варшавский университет. Таким образом, с осени 1921 года я уже не служил в польской армии, хотя как капитан запаса призывался на переподготовку три раза.

ВОПРОС: Сколько раз вы участвовали в боях против Советских войск и где именно?

ОТВЕТ: С весны 1919 года по осень 1920 года я участвовал в боях против Красной армии очень часто, но сейчас не могу перечислить мест, где я участвовал в боях, основные же кампании я уже назвал.

ВОПРОС: Скажите, что вы делали здесь, во Львове, как польский писатель?

ОТВЕТ: Проживая во Львове я принимал активное участие в работе львовского оргкомитета писателей, членом которого я являлся, читал авт. стихи рабочим фабрик, переводил на польский язык пьесы: «Правда», «Гибель Эскадры» — Корнейчука и «Егор Булычев» — Горького, начал работу над переводом пьесы «Интервенция» — Славина, был литературным руководителем польского театра. За это время я написал 3-4 стихотворения, а именно: «Контакт», «Сын покоренной нации», «О спекулянтах» и др.

ВОПРОС: О чем вы писали в стихотворении «Сын покоренной нации»?

ОТВЕТ: В этом стихотворении я выразил свои чувства и стремления, выразил грусть по поводу разрушения Польши и выразил свою надежду на социализм и на Союз ССР.

ВОПРОС: В произведении «Сын покоренного народа» вы призывали к восстановлению польского государства. Так ли это?

ОТВЕТ: Я призывал к вере и надежде в Союз ССР. Я не призывал к восстановлению польского государства.

ВОПРОС: Следствию известно, что вы недоброжелательно высказывались по отношению к Советскому Союзу и его Красной армии, освободившей от польского ига народы западной Украины и западной Белоруссии. Так ли это?

ОТВЕТ: Это неправда. Я не высказывался против Союза ССР и его Красной армии.

ВОПРОС: Скажите, когда и каким путем прибыла из Польши, вернее из Варшавы во Львов ваша жена?

ОТВЕТ: Моя жена Мария Павловна Зарембинская-Корнацкая, бывшая актриса Варшавского театра из Варшавы во Львов прибыла легальным путем с семьей Ванды Василевской 12 декабря 1939 года. Жена моя приехала по пропуску, который получила семья Ванды Василевской от немецких властей г.Варшавы.

ВОПРОС: Сколько писем и кому именно вы отправили нелегальным путем в г.Варшаву?

ОТВЕТ: В город Варшаву я отправил письмо и 700 злотых из г.Белостока в конце ноября 1939 года через ушедшего нелегальным путем в г.Варшаву Петкевича Казимира — скульптора для своей жены Зарембинской-Корнацкой, чтобы она приехала сюда, во Львов. Передал еще два письма, через неизвестных мне лиц, со Львова, кажется в ноябре месяце тоже для жены, которых она не получила. Деньги и письмо моя жена получила в начале декабря 1939 года от Петкевича. Больше никаких писем я не писал.

ВОПРОС: Говорила ли вам жена, после приезда во Львов, о существовании в Варшаве организации по восстановлению польского государства?

ОТВЕТ: Нет, не говорила.

ВОПРОС: Знаете ли вы Кубицкого Марьяна и где он сейчас проживает?

ОТВЕТ: Да, Кубицкого Марьяна я знаю как писателя и жителя Варшавы, где он сейчас — я не знаю.

ВОПРОС: К каким партиям принадлежал Кубицкий Марьян?

ОТВЕТ: Не знаю.

ВОПРОС: Писали ли вы письма своей сестре, проживающей в г.Варшаве?

ОТВЕТ: Да, одно письмо своей сестре, проживающей в г.Варшава, я написал и передал его через Петкевича в ноябре месяце 1939 года.

ВОПРОС: Скажите, от кого и сколько писем вы получили из Варшавы и территории, занятой немцами?

ОТВЕТ: Я получил по почте от своей первой жены Броневской Куниг Янины Оскаровны, проживающей в г.Белостоке, два письма, которые писала моя вторая жена из Варшавы Зарембинская-Корнацкая и еще одно письмо получил от Ванды Василевской в декабре или начале января месяца от писателя Миллера Яна, проживающего в г.Варшава. Каким путем получила письмо для меня от Миллера Василевская, я не знаю.

ВОПРОС: Следствию известно, что вы находясь во Львове группировали вокруг себя националистически настроенных и реакционных польских писателей для борьбы за восстановление польского государства. Следствие настаивает на даче правдивых показаний по этому вопросу.

ОТВЕТ: Это неправда. Я не группировал вокруг себя националистических писателей и вращался среди коммунистически настроенных писателей и никакой вредной для Советской власти работы я не проводил.

ВОПРОС: С какими писателями, проживающими во Львове вы вели антисоветские разговоры?

ОТВЕТ: Антисоветских разговоров с писателями, проживающими во Львове, я никогда не вел.

ВОПРОС: От каких лиц вы слышали высказывание недовольств по отношению к Советской власти?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Скажите, когда и в разговорах с какими лицами вы высказывали свои недовольства по поводу не печатания ваших произведений в Советской печати здесь, во Львове?

ОТВЕТ: Я не помню.

Допрос прерван в 15 часов 00 минут.

Протокол читал, записан с моих слов правильно, в чем и расписываюсь — В.Броневский.

Из Москвы в июне 1941 г. Броневского перевели в Саратов, где ему был вынесен приговор: пять лет ссылки в Казахстан. На свободе он оказался после подписания в августе 1941 г. советско-польского договора, известного как договор Сикорского—Майского. Вступил в армию, сформированную генералом Андерсом, и до 1945 г. находился на Ближнем Востоке. Позднее через Лондон возвратился в Польшу.

«Я поборюсь с судьбой»

В тюрьмах Броневский писал стихи. Ясное дело, что не записывал, а запоминал их, чтобы записать после выхода на волю.

* * *

«Человек это звучит гордо» —

сказал покойный Максим,

а меж тем: тут колотят в морду,

говоря, что ты сукин сын.

Что же делать такому сыну

за решеткой НКВД?..

так помолимся мы матерщиной

потускнелой, алой звезде.

Это стихотворение Броневский написал в феврале 1940 г. по-русски.

РАЗГОВОР С ИСТОРИЕЙ

О наставница жизни, История!

Твои шутки нелепы и страшны:

Орион, над тюрьмой этой стоя,

смотрит, как мы сидим на параше.

Травишь старые мне анекдоты

то с издевкой, то с усмешкой,

так парашничаем понемногу —

ты уж вечность, а я уж месяц.

Объясни, бессмертная, эту

склонность странную к парадоксам,

и еще спрошу — всему свету

кровь портить — не сумасбродство?

Ибо если повсюду войны

и военное положение,

то, История, для чего мы

на параше сидим с голой женой?

Революционный поэт

должен сгинуть в тюрьме советской?!

Нет, История, нет!

Я иль ты — кто-то судит по-детски!

Постыдись же, почтенная дама,

выпусти из-под этого крова...

(Ведь успеем вернуться сюда мы,

схватим срок за воротами снова).

Львов — Замарстынов, 1940 г.

ПИСЬМО ИЗ ТЮРЬМЫ

Дочурка милая, тебе я
письмо пишу в тюрьме.
Темнеет к ночи и слышнее
свист поездов во тьме,
небо в решетчатом окошке —
как серой тряпки шмат,
а воробьи, склевавши крошки,
уж улететь спешат.

Дочурка, ничего, что трудно,
я поборюсь с судьбой:
ведь я из тех людей, что грудью
встречают жребий свой.
Здесь время длится, дни не мчатся,
Текут, как кровь из жил...
Здоровья, милая, и счастья,
а мне — пусть хватит сил.
Ведь я — Изгнанников ровесник,
и, верен их пути,
на дальний берег бремя песни
я должен донести.

Львов — Замарстынов, 1940 г.

(Переводы Натальи Астафьевой)

Копии всех приведенных в статье документов находятся в центре «Карта» в Варшаве, куда они поступили в 1992 г. в рамках осуществляемой совместно с российским «Мемориалом» исследовательской программы. При публикации сохранены стилистика, орфография и пунктуация текстов.